

Древности Мариинской лесостепи: первые сведения и начало научного изучения*

Павел В. Герман^{a, @, ID}

^a Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, Россия, г. Кемерово

@ lithos@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-8123-6992>

Поступила в редакцию 15.06.2020. Принята к печати 07.07.2020.

Аннотация: Мариинская лесостепь – территория наибольшей концентрации объектов археологического наследия на территории Кузбасса. Именно в этом районе в 50-х гг. XX в. начались первые систематические полевые работы кемеровских археологов. До этого времени о древностях Мариинской лесостепи практически ничего не было известно, что особенно диссонировало на фоне изученности сопредельных территорий Верхнего Приобья и Минусинских котловин. В данной работе представлены все ранее известные свидетельства, а также неопубликованные данные с упоминанием об археологических предметах и объектах на северо-востоке Кузбасса в XIX в. Впервые в контексте истории изучения археологического наследия Мариинской лесостепи выделены заметки И. Р. Аспелина, Д. А. Клеменца, И. П. Кузнецова (Красноярского), Ф. Р. Мартина. Приведены ранее неизвестные архивные материалы, свидетельствующие об интересе к памятникам древности местного населения. Обобщенные данные позволяют отметить формирование первых представлений об археологии региона к концу XIX в. Особое место в работе уделено исследованиям Г. О. Оссовского, осуществившего первые археологические разведки и раскопки в Мариинской лесостепи в 1895 и 1896 гг. Отдельный историографический интерес представляет вклад в исследуемую тему горного инженера П. К. Яворовского, в публикации которого впервые прозвучала оценка историко-географической роли региона в древности.

Ключевые слова: археологические памятники, случайные находки, исследователи, XIX век, Г. О. Оссовский, П. К. Яворовский

Для цитирования: Герман П. В. Древности Мариинской лесостепи: первые сведения и начало научного изучения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 3. С. 584–594. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-584-594>

Введение

Мариинская лесостепь занимает пространства водораздела рек Кии и Урюпа (бассейн р. Чулым), с юга и севера ограниченные мариинской тайгой. По современному административному делению данная территория включает лесостепные районы Мариинского, Чебулинского, Тисульского и Тяжинского районов Кузбасса. В археологической историографической традиции устоялось объединение данной территории с Назаровской котловиной и Ачинской лесостепью в Ачинско-Мариинский историко-культурный район. В контексте двух крупнейших этнокультурных провинций – Среднеенисейской и Верхнеобской – Ачинско-Мариинская лесостепь рассматривается в качестве особой зоны – лесостепного коридора контактов и миграций, связующего восток и запад южносибирского региона в древности. Такое объединение и определение места региона в культурно-исторических процессах древности представляется вполне обоснованным. Тем не менее археологические памятники Мариинской лесостепи и Назаровской котловины в отдельности имеют свою специфику и полностью

обособляются в историографическом контексте. В отличие от памятников Назаровской котловины, включающих, помимо прочих, курганы с хорошо заметными каменными конструкциями, древние объекты Мариинской лесостепи менее примечательны. Данное обстоятельство в совокупности с целями первых исследователей Южной Сибири стало причиной более позднего начала изучения археологии лесостепного района между Кией и Урюпом.

В настоящее время на территории Мариинской лесостепи известно четыре вида археологических памятников: поселения (включая стоянки и городища), грунтовые и курганные могильники, клады. Памятников наскального искусства и изваяний, известных в Назаровской котловине, в пределах Мариинской лесостепи и прилегающих горнотазовых районах не обнаружено. Подавляющее большинство исследованных курганных могильников Мариинской лесостепи относятся к раннему железному веку. На основании визуальных наблюдений и раскопок в 1950–1980-х гг. закрепилось мнение, что для архитектуры мариинских курганов нехарактерно использование каменных плит при

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Кемеровской области в рамках научного проекта № 20-49-420005 р_а.

организации сакрального пространства – огады. Крупные насыпи представляют собой оплывшие полусферические земляные возвышения высотой от 1,5 до 3 м, а более мелкие практически не выделяются на фоне вмещающего пересеченного рельефа местности. В целом отсутствие у курганов дополнительных конструктивных элементов в виде каменных стел и рельеф лесостепи дают основание предполагать, что и в XVIII в. мариинские курганы не были, по сравнению с назаровскими памятниками, столь примечательным ориентиром на местности. По крайней мере, информация о них не отражена в известных нам путевых записях первых исследователей Сибири.

Основной маршрут отдельных отрядов первых научных экспедиций из Томска в Минусинскую котловину и обратно, как правило, проходил через Мариинскую лесостепь. В декабре 1721 г. Ф. И. Табберт (Стралленберг) направился из Томска в Абаканский острог. В дневнике путешествия представлен маршрут с упоминанием р. Кии и ее притоков первого и второго порядка (Серта, Колба, Дидли, Тисулька, Кайчак), р. Урюп с притоком р. Дудет, озер Большой Берчикуль, Малый и Большой Базыр. Вблизи от двух последних водоемов исследователь упоминает Божью гору, или Тенгри-Хас (наиболее вероятно, Шестаковский Яр близ д. Шестаково Чебулинского района), на которой язычники (*Heiden*) в давние (древние) времена занимались идолопоклонством (*Abgötterei*) [1, S. 156]. На этой весьма интересной информации упоминания о наследии древних народов на территории Мариинской лесостепи в дневнике заканчиваются.

Подробное описание рассматриваемой территории содержится в трудах соруководителей академического отряда Второй Камчатской экспедиции Г. Ф. Миллера и И. Г. Гмелина. Первый следует через Мариинскую лесостепь в феврале 1740 г. из Красноярска в Томск [2, с. 218–222], второй в сентябре 1740 г. осматривает рудник на р. Каштак близ с. Тисуль [3, S. 537–558]. Несколько севернее, по линии будущей железной дороги, проходил маршрут П. С. Палласа в сентябре 1771 г. [4, с. 432–438]. Указания на древности Мариинской лесостепи в трудах перечисленных и других исследователей Сибири в XVIII в. нами не встречены, хотя А. И. Мартынов отмечает, что «О курганах Мариинского округа знали исследователи XVIII в. Гмелин (1751), Паласс (1771) и другие, которые упоминают о расположении ряда курганов на данной территории. Но карт курганов и других археологических памятников Северного Кузбасса не было составлено, т. к. исследователей прежде всего интересовали выразительные и обильные вещами курганы Минусинской котловины, наши же местные памятники оставались несистематизированными, а сведения не всегда точными» [5, с. 153].

Соглашаясь с выводами А. И. Мартынова о наличии особого интереса исследователей к древностям Минусинской котловины, отметим, что утверждение относительно знаний И. Г. Гмелина и П. С. Палласа о мариинских памятниках представляется необоснованным по причине отсутствия ссылок на источники.

Первые упоминания о древностях Мариинской лесостепи

В 1863 г. В. В. Радлов направляется из Красноярска в Мариинск. Исследователь упоминает, что «на Кие мне подарили два больших медных топора (кельта); они, как мне сказали, были найдены в золотомойнях и, несомненно, служили для того, чтобы разбивать руду»¹ [6, с. 422]. Дополнение к данному сообщению содержится в письме В. В. Радлова в Археологическую комиссию от 30 августа 1863 г.: «Пространство, обитаемое этими народами (*имеются в виду древние насельники Минусинских котловин – П. Г.*), доходило почти до р. Кии и на всей дороге я собирал древности у крестьян, которые их находили на пашнях»². В этом же архивном документе находится опись «вещи купленные у крестьян по дороге от Кызыльской думы до Кии»³. Места находок (приобретений) в описи отсутствуют, тем не менее данную информацию следует квалифицировать в качестве первого упоминания о сборах древних предметов в Мариинской лесостепи. Более детальное изучение наследия В. В. Радлова, вероятно, прольет свет на происхождение упомянутых находок.

В 1880 г. по инициативе генерал-губернатора Западной Сибири, одного из организаторов Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества (ИРГО) Н. Г. Казнакова собирались сведения о курганах Западной Сибири. Контроль за сбором сведений по Томской губернии взял на себя томский губернатор В. И. Мерцалов. А. В. Адриановым были высказаны сомнения о достоверности и полноте собранного материала: «Предписания гг. исправникам были разосланы осенью (а не весной, как бы следовало) и сведения собирались уже зимой, когда курганы занесло снегом» [7, стб. 733]. Сведения о курганах поступили в канцелярию губернатора в 1883 г. и спустя шесть лет были частично опубликованы В. М. Флоринским, который отметил, что из большей части округов Томской губернии, в том числе из Мариинского округа, «получены только отрывочные данные по некоторым волостям, либо общие отписки окружных исправников по заданному им вопросу» [8, с. 49]. В издании представлены сведения из Почитанской, Зырянской и Боготольской волостей Мариинского округа, расположенных вне рассматриваемого лесостепного района. В то же время данная работа содержит весьма важное примечание: «Главная полоса курганов из Мариинского

¹ Цитата приводится по переводному изданию монографии, оригинал издан в 1884 г.

² Дело Императорской археологической комиссии о разысканиях доктора Радлова в Томской и Енисейской губерниях // Рукописный отдел научного архива Института истории материальной культуры РАН (РО НА ИИМК РАН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 8. Л. 15, 15 об. 1863 г.

³ Там же. Л. 17 об.

округа направляется к стороне Минусинска» [8, с. 68], свидетельствующее об осведомленности автора о нахождении курганов в этом районе.

В 1883 г. по поручению ИРГО и его Западно-Сибирского отдела **А. В. Адрианов** совершил экспедицию по Южной Сибири. Направляясь из Томска в Минусинск, он свернул с Московского тракта после Мариинска на проселочную дорогу и поехал через Верхние Серты (совр. с. Усть-Серта) на Пичугино⁴. О древностях, встреченных до Минусинска, автор в работе не упоминает. Закончив исследования в Западных Саянах, на обратном пути в Томск А. В. Адрианов приобретает предметы древности. Он отмечает, что была собрана коллекция, «состоящая из 200 слишком предметов, собранных покупкою при разъездах от Минусинска до Тисуля, в обратный мой путь в Томск»⁵. Вероятно, именно эти предметы были приобретены Императорской археологической комиссией (далее – ИАК) в 1899 г.⁶

В июле 1887 г. по пути в Минусинск через Мариинскую лесостепь направляется экспедиция **И. Р. Аспелина**. В его путевых записках, опубликованных значительно позже, сообщается, что на возвышенности возле с. Большой Барандат (Barandot) находятся два кургана⁷ [10, S. 2]. Двигаясь далее, в деревне Большепичугино (Petchugina) И. Р. Аспелин приобрел изделия из бронзы: ножи, удила (bronzene Stangengebisse), зеркала, кинжалы. Исследователь отмечает, что столь ранние находки, до пересечения пределов Томской губернии, были хорошим знаком [10, S. 2].

В мае 1888 г. транзитом через Мариинскую лесостепь в Ачинский округ направляется **Д. А. Клеменц**. В опубликованной статье, которая представляет собой путевой дневник исследователя, приводятся сведения о составе почв, растительности, выходах угля на территории Мариинского округа. Маршрут исследователя представлен достаточно подробно: «доехал по тракту до Мариинска и свернул на проселок, чтобы через Алчедат, Тисуль, Барандат и Пичугину кратчайшим путем добраться до пределов Ачинского округа»⁸. В публикации о древностях Мариинской лесостепи Д. А. Клеменц не упоминает, но в неопубликованной части дневника исследователя приведена информация о курганах в районе деревень Михайловка, Алчедат и Чумай⁹. По результатам исследований 1888 г. Д. А. Клеменцом была подготовлена «Карта распространения земляных

курганов в средней части Ачинского округа» (опубликована в [11, с. 10; 12, с. 19]), на которой в том числе обозначены объекты западнее с. Никольского, на левом берегу р. Урюп – нанесены три значка, обозначающих «курганы с насыпью без камней». Маркированную территорию возможно сопоставить с участком Мариинской лесостепи от п. Тамбар до д. Изындаево. О специфике данных курганов Д. А. Клеменц сообщает: «В окрестностях Ачинска и в Мариинском округе курганы состоят из высокого, продолговатого насыпного холма без всяких следов каменной обкладки»¹⁰.

В 1888 г. выходит каталог археологического музея Томского университета, составленный В. М. Флоринским¹¹. В данное издание, а затем и в прибавления к нему¹², вошло описание нескольких древних предметов из Мариинского округа. Среди дарителей предметов значатся: томский полицмейстер, горный исправник частных золотых приисков Томской губернии Л. Н. Некрасов, штатный смотритель Томских и Мариинских училищ П. А. Буткеев, ученый, один из учредителей ЗСО ИРГО И. Я. Словцов. Сведения о местонахождении предметов весьма лаконичны и в некоторых случаях противоречивы. При уточнении местонахождения ряда предметов дополнением к каталогу стал изданный в 1898 г. второй выпуск части II произведения В. М. Флоринского «Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Опыт славянской археологии». Всего по каталогам В. М. Флоринского установлено не менее 13 экспонатов, происходящих из Мариинской лесостепи. Каталог коллекций Музея археологии Томского университета стал первой публикацией сведений о древностях Мариинского округа.

В 1889 г. вышла работа **И. П. Кузнецова (Красноярского)** «Древние могилы Минусинского округа». Описывая территорию распространения древних курганов с камнями в Минусинских котловинах, И. П. Кузнецов отмечает отличие памятников, расположенных на других территориях: «Курганы без камней замечали мы во многих частях нашего округа, всего чаще при переходе от местностей лесных к более открытым. Так, мы наблюдали их около дер. Лопатиной, между с. Каратузским и гор. Минусинском, между реками Урюпом и Кией, около Абаканского железодельного завода и в др. местах» [13, с. III–IV]. Кроме

⁴ Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное летом 1883 года, по поручению Императорского Русского Географического Общества и его Западно-Сибирского отдела, членом-сотрудником А. Адриановым. Предварительный отчет // Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. Кн. 8. Вып. 2. Омск: Тип. Округ. Штаба, 1886. С. 355.

⁵ Там же. С. 3–5.

⁶ Отчеты Императорской археологической комиссии за 1899 г. СПб.: Б. и., 1902. С. 136.

⁷ Местонахождение указанных курганов соответствует локализации могильника Большой Барандат II [9, с. 96].

⁸ Клеменц Д. А. Предварительные сведения об экскурсии Д. А. Клеменца в Ачинский и Канский округа // Известия Восточно-Сибирского отдела ИРГО. 1889. Т. 20. № 1. Иркутск: Типография газеты «Восточное обозрение». С. 43.

⁹ Клеменц Д. А. Путевой дневник за 1888 г. (Минусинский округ?) // Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 28. Оп. 1. № 82. Л. 5.

¹⁰ Дело ИАК о раскопках г. Клеменца в Ачинском и Канском округах, Енисейской губ // РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 23. Л. 18. 1888 г.

¹¹ Археологический музей Томского университета: [каталог]. Томск: Б. и., 1888.

¹² Прибавление к каталогу археологического музея Томского университета. Томск: Типо-Лит. Михайлова и Макушина, 1890; Второе прибавление к каталогу археологического музея Томского университета. Томск: Типо-Литография П. И. Макушина, 1898.

этого, исследователь указывает: «Древние могилы, хотя и не в особенно значительном количестве, встречаются еще в Мариинском округе Томской губернии по течению р. Кии до г. Мариинска» [13, с. 7].

В сентябре 1891 г. **Ф. Р. Мартин** отправляется из Томска в Минусинск: «Мы проехали по большой почтовой дороге до Мариинска и там свернули на проселочную. Я также надеялся в деревнях, менее всего посещаемых иностранцами, найти археологические предметы бронзового века; [ожидание] продлилось недолго – до тех пор, пока я не купил за 1 рубль великолепный бронзовый кинжал»¹³ [14, с. 37]. Помимо указанного кинжала, Ф. Р. Марином было приобретено еще несколько предметов, найденных близ деревень Серебряково и Большой Барандат. Описания и рисунки четырех вещей представлены в монографии [14, табл. 24: рис. 4, 9, 10, 12].

Таким образом, благодаря тому, что путь в Минусинские котловины лежал через Мариинскую лесостепь, к середине 90-х гг. XIX в. у исследователей Южной Сибири сложились первые представления об археологических находках и объектах в Мариинской лесостепи. Эти данные имели характер кратких примечаний о распространении курганов и случайных находках. Отдельного исследовательского интереса археология Кия-Урюпского междуречья не вызывала.

Свод археологических памятников России и дело крестьянина Афанасьева

На фоне отдельных заметок исследователей выделяются упоминания о случайных находках, приобретенных у местных жителей транзитом через Мариинскую лесостепь. Наглядную информацию относительно знаний местного населения о древностях района дают два документа из архива ИАК.

В июле 1888 г. в Томскую духовную консисторию поступил опросник, составленный товарищем председателя Императорского Московского археологического общества Д. Н. Анучиным. В рамках подготовки археологической карты России респонденты должны были ответить на вопросы относительно сведений о случайных находках (каменных или медных / бронзовых изделий, монет, оружия, костей) и отдельных объектов (пещер, городищ, курганов, изваяний, наскальных изображений). Анкеты были переданы во все благочиния Томской губернии. В октябре 1888 г. заполненные опросники из Мариинского округа были отправлены обратно в г. Томск.

Материалы о древностях Мариинской лесостепи были получены из благочиний № 9, 11 и 12, к которым относились приходы Дмитриевской, Алчедатской и Больше-Барандатской волостей (современные Мариинский, Ижморский, Чебулинский, Тяжинский и Тисульский районы Кузбасса). В документах сообщается о случайных находках в окрестностях сел Кайчакское, Барандатское, Алчедатское и д. Шестаково:

- «В приходе села Кайчакского, на пашнях, были найдены вещи разных видов, а именно: в роде полукруглых ножей, кинжалы с узорными вырезками на рукоятках, наручи¹⁴ гладкие; все найденные вещи медные, от времени потемневшие. Вещи в минувшем году отправлены сельским писарем мещанином г. Павлодара Степаном Чебитовским в Императорское Московское археологическое общество»¹⁵;
- «В приходе села Барандатского были найдены и находятся местными жителями медные вещи: топорки, кольца, стрелки, наручи, кинжалы и кругообразные статуэтки, литые из меди (*возможно, тагарские колоковидные наперстки* – П. Г.). В настоящее время у священника имеется вершка в два круга желтой меди вещь, с левой стороны гладкая – полированная, с правой стороны с углублением, в середине крест в дуге, кругом его какие-то письменные знаки»¹⁶;
- «на пашнях, деревни Шестаковой был найден один бронзовый топорик и на пашнях села Алчедатского – бронзовый ножичек, вершков в 6 длины ... та и другая вещь переданы Г. штатному смотрителю Томских и Мариинских училищ – Буткееву»¹⁷.

Часть перечисленных находок в итоге оказалась в археологическом музее Томского университета и перечислена в каталоге В. М. Флоринского. Большинство случайно обнаруженных предметов древности изготовлены из меди и относятся к тагарской культуре раннего железного века, памятники которой преобладают в количественном отношении над другими археологическими объектами в Мариинской лесостепи.

Также в анкетах имеются сведения о курганных могильниках: «В благочинии № 12 находятся курганы в приходах:

1. Барандатском шесть, они расположены: три с восточной стороны села, на правом берегу речки Барандатки и три с западной стороны, расположены те и другие почти на прямой линии. Высотой первые (с восточной стороны) около двух аршин; вторые (с западной стороны) выше трех аршин; шириною в основаниях первые шесть аршин, вторые восемь аршин, предположительно»¹⁸.

¹³ Цитата приводится по переводному изданию монографии, оригинал издан в 1897 г.

¹⁴ Здесь и далее, вероятно, имеются в виду браслеты, а не часть доспехов для защиты рук.

¹⁵ Материалы для составления археологической карты Томской губернии // РО НА ИИМК РАН. Ф. 4. Д. 184. Л. 27 об. 1889 г.

¹⁶ Там же. Л. 28.

¹⁷ Там же. Л. 24 об.

¹⁸ Там же. Л. 30 об.; Восточная курганная группа в настоящее время известна под наименованием Большой Барандат II, западная – Большой Барандат III [9, с. 96–98].

2. «В деревне Усть-Барандат таких курганов около десяти; расположены с западной стороны в неправильной линии в сравнении с Барандатскими, высотой и шириною меньше, не более высотой полтора аршина, а шириною четыре аршина»¹⁹.

3. «Кайчакском два кургана, приблизительно в шести верстах от села Кайчакского, на северо-запад, в вершине речки Байлы, с правой стороны по течению, вершиною близ селения, шириною более двух сажень, оба круглые, вершины их впадиною»²⁰.

4. «Тисюльском два, в вершину не более трех или четырех аршин»²¹.

Сведения о курганах Мариинской лесостепи содержатся еще в одном любопытном документе из фонда ИАК. В мае 1889 г. крестьянин с. Тисюльского Василий Иванович Афанасьев пишет письмо местному чиновнику по крестьянским делам Г. Карачарову: «Я имею постоянное жительство в с. Тисюльском, и в окрестностях этого села много находится курганов по преданию могилы чуди, и давнее мое желание который либо из этих курганов раскопать за собственный счет, и ежели, что попадется достойным внимания редкости, то я немедленно о этом дам знать кому следует»²². Прошение было передано на обсуждение тисюльскому сельскому сходу, который состоялся 18 июня 1889 г.²³ Из текста «Общественного приговора», где курганы именуются «Могилы чуди», следует: «разрешить Афанасьеву раскопать этот курган, но с тем чтобы он, после раскопки ямы засыпал, и не оставил бы никакой ямки могущей служить для опасности падения животных»²⁴.

Документы были отправлены в ИАК, ответ которой был вполне предсказуем: «ходатайство его (Афанасьева – П. Г.) может быть уважено лишь в том случае, если им будет указано Комиссии лицо научно подготовленное к производству раскопок, которое будет ею признано компетентным для наблюдения за его раскопкой и для ведения надлежащего журнала, каковой, вместе со всеми найденными вещами имеет быть представлен в Комиссию»²⁵. На этом письме дело заканчивается и, судя по всему, давнее желание В. И. Афанасьева не исполнилось, по крайней мере, в рамках закона.

Представленные документы позволяют отметить наличие познаний и интереса местных жителей к древним объектам, а их столь незначительный перечень отчасти связан с пока еще слабым освоением русскими территорий северо-востока Кузбасса.

Сведения о курганных могильниках Мариинской лесостепи

Первые археологические раскопки и разведки на территории Мариинской лесостепи связаны с именем известного исследователя геологии и древностей Волыни и Прикарпатья Г. О. Оссовского (о нем см. [15–17]), с 1893 г. жившего в Томске. Главным направлением его научной деятельности в Сибири стали гидрогеологические исследования. В течение 1893–1896 гг. он руководил работами и принимал участие в комиссиях по изучению источников водоснабжения переселенческих участков в Каинском, Мариинском и Томском округах. Большую часть свободного времени ученый уделял изучению доисторических памятников Сибири.

Летом 1895 г. Г. О. Оссовский отправился исследовать маловодные переселенческие участки в Томском и Мариинском округах [18]. В последнем районе он проводил археологические разведки и раскопки. Так, отчасти случайно началось научное изучение археологических памятников Мариинской лесостепи. За два полевых сезона в Мариинском округе Г. О. Оссовский произвел раскопки на трех курганных могильниках и отметил наличие курганных групп в Алчедатской, Дмитриевской, Больше-Барандатской и Боготольской волостях.

Судя по отчету за 1895 г., никакой информацией о мариинских древностях Г. О. Оссовский не владел и полагался исключительно на близость данного района к Минусинской котловине: «К выбору этой местности склонило меня то обстоятельство, что полоса бассейна помянутой реки (р. Чулым - П. Г.), в юго-восточной части этого округа, примыкая непосредственно к юго-западным границам Ачинского округа Енисейской губернии, известного замечательной многочисленностью курганов, соединяющихся с курганами Минусинского округа и образующих вместе с ними одну общую, громадную, **ачинско-минусинскую** курганный область, уже по этому поводу подавала самые лучшие надежды на возможность существования в ее пределах, не лишенных научного интереса, археологических памятников. С другой стороны, если по настоящее время о существовании в этой полосе этого рода памятников сведений никаких не было, то обстоятельство это, по всему вероятию, приписать следует единственно малонаселенности ее и отдаленному уединению от более значительных административных пунктов края. Результат направленных мною в эту местность разведок убедил меня в том, что расчеты мои в этом отношении ошибочны не были»²⁶.

¹⁹ Там же.; Памятник известен под наименованием Малый Барандат I [9, с. 103].

²⁰ Там же. Л. 31.

²¹ Там же.

²² Дело ИАК о древностях, найденных крестьянами в курганах близ Красноярска // РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 78. Л. 12, 12 об. 1889 г.

²³ Там же. Л. 14, 14 об., 15, 15 об.

²⁴ Там же. Л. 14.

²⁵ Там же. Л. 16.

²⁶ Дело ИАК о раскопках г. Оссовского в Акмолинской и Семипалатинской областях // РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 89. Л. 14. 1895 г.

Готфрид Осипович
(Иосифович) Оссовский
(08.11.1835–16.04.1897) [15]
Gotfrýd Ossovsky (November 08,
1835 – April 16, 1897) [15]

По сохранившемуся в документах ИАК финансовому отчету Г. О. Оссовского за 1895 г. маршрут первой разведки представляется в деталях: Томск – Мариинск – Верх-Чебула – Ивановка – Алчедат – Смоленский – Усть-Колба – Тисуль (в окрестностях села 65 верст) – Большой Барандат (в окрестностях 62 версты) – М. Пичугино – Тяжинская вершина (в окрестностях 42 версты) – Новоподзорное – Макарово (в окрестностях 44 версты) – Итат (в окрестностях 58 верст) – Боготол –

Томск. В целом маршрут разведки с незначительными отклонениями был привязан к местам проведения гидрогеологических исследований, которые проводились параллельно с археологическими. В результате поездки 1895 г. Г. О. Оссовским было установлено: «Уже в расстоянии около 100 верст от г. Мариинска, наткнулся я действительно на целую курганную полосу, состоящую из ряда многочисленных курганных групп, следующих одна за другой по направлению с юго-запада к северо-востоку, т. е. от окрестностей с. Чумайского и инородческой дер. Кураковой на с. Тисуль, д. д. Дворниково и Третьяково, с. Кайчак, переселенческий поселок Вавилонский (Вознесенский), с. с. Б. Барандат и М. Пичугино к берегам р. Урюпа (лев. прит. Чулыма), русло которого образует юго-восточную границу Мариинского округа»²⁷.

В ходе разведки 1896 г. в дополнение к предыдущим пунктам был обследован участок от Боготола до Ачинска (с. Зерцалы), от Большого Пичугино до Тамбара и район оз. Большой Берчикуль. В предварительном отчете в ИАК Г. О. Оссовский писал: «курганные насыпи выступают у с. Зерцала (в северных его окрестностях), в окрестностях сс. Макаровой и Ново-Подзорной, Обуховой (М.-Печугиной), Усть-Барандата, Б.-Барандата (на восток и к западу от села), по правому побережью рч. Убиенки (юго-восточнее переселенч. участка Вознесенского), между Печугиной и Тамбаром и юго-восточнее Тамбара (по лесным дачам) в окрестности Кайчака (по речке Кайчак), дд. Третьяковой и Дворниковой, сс. Тисуля, Колбы, Алчедата и Верх-Чебулы. Самые многочисленные курганные группы сгущены на площади ограниченной грянями земель сс. Кайчака и Тисуля и дд. Дворниковой и Третьяковой, а также в окрестностях села Алчедата»²⁸.

К сожалению, отдельного перечня открытых памятников Г. О. Оссовский не составлял. В своих кратких отчетах в ИАК исследователь лишь перечисляет районы концентрации курганных групп. Это не дает оснований выделить из всего массива известных на сегодняшний день объектов археологии курганные могильники, открытые непосредственно Г. О. Оссовским, за исключением раскопанных им. Тем не менее в сводах археологических памятников исследователи отмечают ряд таких объектов [19, с. 254–256; 5, с. 156–158; 11, с. 45–47; 9], что, на наш взгляд, не всегда корректно. По имеющимся источникам можно лишь отметить, что Г. О. Оссовский обладал информацией о наличии курганных могильников вблизи перечисленных им населенных пунктов, но при этом произвел только визуальный осмотр памятников, не оставив никакого описания. В пределах Мариинской лесостепи условно можно выделить 13 таких районов распространения курганов по Г. О. Оссовскому (рис. 1):

- Верхчебулинский – с. Верх-Чебула;
- Алчедатский – с. Алчедат;
- Чумайский – с. Чумайское и д. Кураково;
- Усть-Колбинский – с. Усть-Колба;
- Тисульский – с. Тисуль;
- Дворниковский – д. Дворниково и д. Третьяково;
- Кайчакский – д. Кайчак;
- Большебарандатский – п. Вознесенка и с. Большой Барандат;
- Устьбарандатский – с. Усть-Барандат;
- Малопичугинский – с. Малое Пичугино;
- Макаровский – с. Макарово;
- Новоподзорновский – с. Новоподзорное;
- Тамбарский – с. Тамбар и д. Большепичугино.

Этим перечнем охвачена большая часть Мариинской лесостепи. Сравнивая перечисленные районы распространения курганов с современным сводом археологических памятников, например [9], отметим, что пока еще не были подтверждены сведения о наличии курганов в окрестностях с. М. Пичугино и с. Макарово.

Г. О. Оссовский не приводит в отчетах описание планиграфических особенностей могильников, не указывает количество и размеры курганов. О морфологии курганов он отмечает, что в отличие от аналогичных памятников других районов Томской губернии открытые им в Мариинской лесостепи не имеют характерных просадок на вершинах насыпей. Вместо этого верх насыпи уплощен, и курганы имеют форму сплюснутого купола. Далее Г. О. Оссовский отмечает другую, более важную деталь: «Между прочим, в некоторых группах, изредка замечаются также курганы окруженные каменными глыбами»²⁹. Именно курганы с камнями вызвали у исследователя наибольший интерес. Он выделяет их из общего массива памятников Мариинской лесостепи и целенаправленно проводит раскопки подобных курганов на р. Убиенке.

²⁷ Там же. Л. 14, 14 об.

²⁸ Дело ИАК о раскопках Г. О. Оссовского в Мариинском и Кузнецком округах, Томской губ. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 63. Л. 23 об., 24. 1896 г.

²⁹ Дело ИАК о раскопках г. Оссовского в Акмолинской и Семипалатинской областях... Л. 14 об.

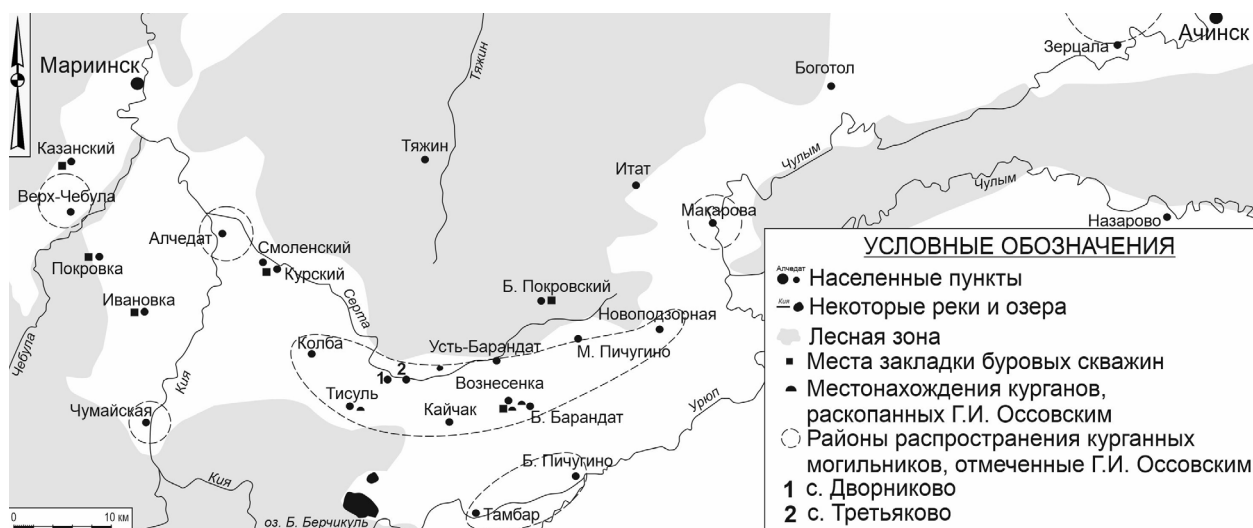

Рис. 1. Полевые исследования Г. О. Оссовского на территории Кия-Чулымского междуречья в 1895 и 1896 гг.

Fig. 1. Field studies by G. O. Ossovski on the territory of Kiya-Chulym interfluvium area in 1895–1896

Первые научные раскопки курганов в Мариинской лесостепи

С 19 августа по 7 сентября 1895 г. Г. О. Оссовский раскопал три кургана у сел Тисуль и Большой Барандат. В Тисуле было исследовано два кургана, расположенных возле местных больницы и кладбища³⁰, один курган – в с. Большой Барандат на покотине³¹. Сведения о курганах сохранились в предварительном отчете в ИАК³² и докладе, сделанном Г. О. Оссовским на заседании Общества естествоиспытателей и врачей³³.

В 1896 г. был исследован самый крупный курган в окрестностях с. Большой Барандат (за покотиной)³⁴ и три кургана с камнями на р. Убиенке³⁵ у с. Вознесенского. Раскопки производились траншеями шириной до 6,4 м (9 аршин). Барандатский курган содержал в себе коллективное захоронение в большой погребальной камере. Среди костяков обнаружено свыше 200 предметов из бронзы и множество фрагментов керамических сосудов. Убиенковские курганы также содержали коллективные захоронения. Их отличительной особенностью было использование в конструкции курганов камня. Камень выступал как на поверхности кургана – в виде больших валунов, так и в виде «панцирей» из плит над могилой ямой. Один из курганов был раскопан на снос

в связи с необходимостью полной разборки «панциря». В целом материалы 1896 г. во многом оказались аналогичны полученным в предыдущем году и также были отнесены Г. О. Оссовским к медно-бронзовому веку Сибири³⁶.

Помимо разведок и раскопок, за два года работы в Мариинской лесостепи Г. О. Оссовский приобрел 49 предметов на сумму 21 руб. 45 коп.³⁷ Про обстоятельства приобретения предметов исследователь указывает в письме В. Г. Тизенгаузену³⁸: «Опасаясь, чтобы цена на некоторые лучшие изделия не показалась высокою, но дешевле нельзя было приобрести; заставшие в Тисуле золотопромышленники портят цену, не желая за хороший кинжал иногда и пяти рублей»³⁹. Среди случайных находок, переданных Г. О. Оссовским в ИАК, значатся предметы из бронзы и железа (ножи, кинжалы, чеканы и кельты, наконечники стрел, пряжка, удила, стремя, шилья, украшения, фрагмент медного сосуда, железная фигурка птицы) и каменный оселок⁴⁰. Большинство изделий относятся к тагарской культуре раннего железного века.

Работами Г. О. Оссовского в 1895 и 1896 гг. было положено начало изучения памятников тагарской культуры Ачинско-Мариинского лесостепного района. В ходе

³⁰ Современное наименование объекта археологического наследия – Курганный могильник Тисуль III.

³¹ Современное наименование объекта археологического наследия – Курганный могильник Большой Барандат III.

³² Дело ИАК о раскопках Г. О. Оссовского в Акимовской и Семипалатинской областях... Л. 14 об., 15, 15 об.

³³ Протокол заседания от 10 ноября 1895 г. // Протоколы Томского общества Естествоиспытателей и врачей за 1892–1899 гг. Томск: Типо-лит. П. И. Макушина, б. г. (Разд. паг.). С. 5.

³⁴ Современное наименование объекта археологического наследия – Курганный могильник Большой Барандат III.

³⁵ Современное наименование объекта археологического наследия – Курганный могильник Большой Барандат I.

³⁶ Дело ИАК о раскопках Г. О. Оссовского в Мариинском и Кузнецком округах, Томской губ... Л. 27.

³⁷ Там же. Л. 16.

³⁸ Владимир Густавович Тизенгаузен (1825–1902) – барон, член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, в 1894–1900 гг. товарищ председателя ИАК.

³⁹ Дело ИАК о раскопках Г. О. Оссовского в Мариинском и Кузнецком округах, Томской губ... Л. 19 об.

⁴⁰ Там же. Л. 17, 17 об., 18.

разведок он осмотрел большую часть известных по более поздним сведениям [19; 5; 11; 10] курганных могильников от г. Мариинска на западе до г. Ачинска на востоке. Материалы раскопанных Г. О. Оссовским курганов были впоследствии включены в типологическую схему лесостепной тагарской культуры (VII–II вв. до н. э.) [20]. Археологические работы Г. О. Оссовского в Сибири не были систематическими, как правило, объекты его исследований были непосредственно связаны с маршрутами гидрогеологических изысканий. Лишь в последний сезон удалось продолжить начатые годом ранее работы и заранее получить соответствующее разрешение на раскопки в ИАК⁴¹. Древности Мариинского округа представляли для исследователя особый интерес

[21, с. 201], однако результаты его сибирских раскопок так и остались неопубликованными. Большая часть предметов, полученных Г. О. Оссовским в результате раскопок и покупок, хранится в Государственном историческом музее⁴².

Параллельно раскопкам Г. О. Оссовского в Мариинской лесостепи проводил работы горный инженер **П. К. Яворовский** – исследователь различных рудных месторождений юга Западной Сибири и Дальнего Востока,

открывший древние рудные выработки на юге Красноярского края, интересовавшийся этнографией (о нем см. [22; 23]). В своем отчете о работах на территории Урюпско-Кийского бурогоугольного бассейна в 1895 г. он отметил: «В отношении растительного покрова поверхность бассейна распадается на две неравные части: большую северную, более или менее лесистую, и южную, почти безлесную. Отсутствие лесов в этой последней не может быть приписано исключительно истреблению их населением, как это очевидно для безлесных участков северной полосы. Она была уже, как кажется, степью в древний доисторический период Сибири, на что указывают находимые в пределах ее следы древнего человека-кочевника в виде курганов (напр. на прав. бер. Убиенки, около д. Б. Пичугиной), а также предметов медного века, и была, быть может, тем проходом, по которому происходили передвижения народов из Западно-Сибирской низменности в южную часть нынешней Енисейской губ. и обратно» [24, с. 37]. Так появилась первая историко-культурная оценка Мариинского лесостепного района, и несмотря на то, что она основана исключительно на интуиции исследователя, важность данного историографического факта в контексте

настоящей статьи представляется очевидной. Отдельный интерес в опубликованном отчете П. К. Яворовского представляет таблица, где приведен топографический план разведочных работ в долине р. Убиенки [24, табл. II]. На плане отмечены курганы того самого могильника, на котором годом позже (1896 г.) Г. О. Оссовский исследовал три кургана (рис. 2). Таким образом, П. К. Яворовский первым опубликовал сведения о расположении археологических объектов на территории Мариинской лесостепи. В связи с тем, что работа горного инженера П. К. Яворовского ранее не была известна археологам, представляется важным зафиксировать его вклад в формирование научных знаний об археологии Мариинской лесостепи на начальном этапе.

Пётр Казимирович Яворовский
(1862–28.02.1920) [22]
Pyotr Jaworowsky
(1862 – February 28, 1920) [22]

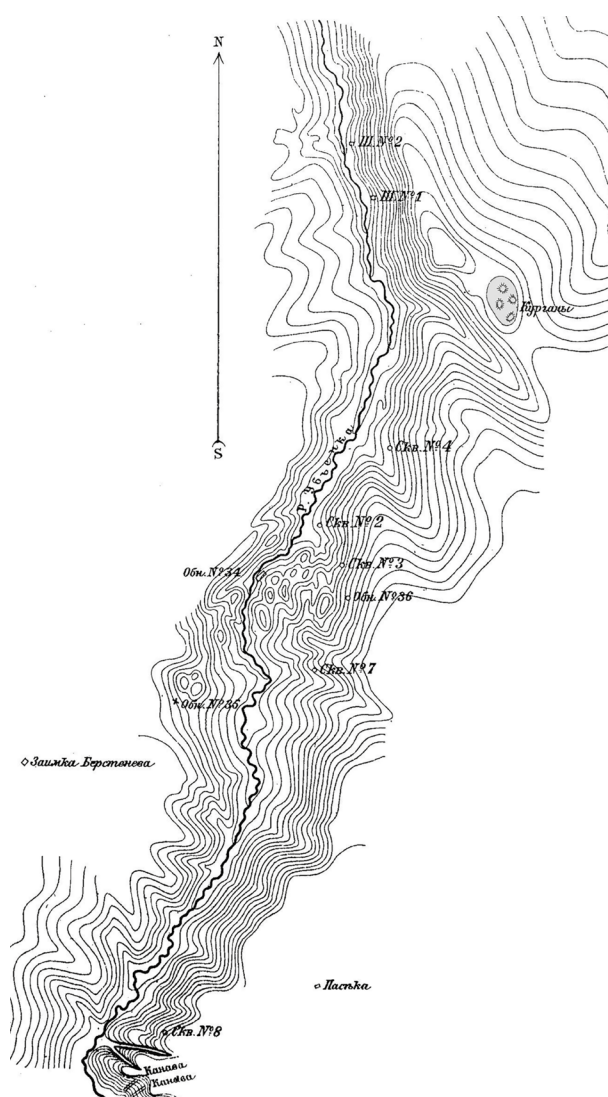

Рис. 2. План разведочных работ в долине р. Убиенки с обозначением курганов, составленный П. К. Яворовским [24, табл. II]
Fig. 2. Exploration map in the river Ubienka valley with indication of kurgans made by P. K. Jaworowsky [24, tab. II]

⁴¹ Там же. Л. 4.

⁴² Инвентарные номера коллекций: 35/77 (раскопки 1895 г.), 365/8 (674) (покупка и раскопки 1895 г., 1896 г.).

Заключение

Первые сведения о древностях Мариинской лесостепи были получены во второй половине XIX в. Первый факт о приобретении древних предметов на Кие зафиксирован в путевых записках В. В. Радлова. Важной вехой для сибирской археологии стал первый каталог археологического музея Томского университета, составленный В. М. Флоринским, в котором содержалась информация о случайных находках из Мариинского округа. И все же для многих экспедиций Мариинская лесостепь оставалась транзитной территорией на пути в Минусинские котловины или обратно в г. Томск. Для сравнения следует обратить внимание, что археологическое изучение территории к востоку от р. Урюп (современный Шарыповский район Красноярского края) имеет более богатую и насыщенную историографию [25].

Сведения о приобретениях древних предметов В. В. Радловым, А. В. Адриановым, И. Р. Аспелиным, Ф. Р. Мартиным и Г. О. Оссовским позволяют судить об осведомленности местного населения о древних объектах и наличии отдельного мариинского «рынка сбыта» древностей во второй половине XIX в. Надо полагать, что на рассматриваемой территории, как и во многих других степных и лесостепных районах Российской империи, существовал отдельный промысел по добыче древних предметов из курганов. Однако, в отличие от минусинских

случайных находок, на которые существовал определенный заказ, наполнение мариинского «рынка сбыта» происходило в большей степени ситуативно.

К концу XIX в. благодаря сведениям, опубликованным В. М. Флоринским, И. П. Кузнецовым (Красноярским) и Ф. Р. Мартиным, была введена в научный оборот первая информация о древностях Мариинской лесостепи. Эти данные были крайне незначительны и тем не менее они создавали предпосылки для актуализации исследований на территории Кийско-Урюпского междуречья. Важные наблюдения о роли Мариинской лесостепи в древности были сделаны П. К. Яворовским, который первым квалифицировал данную территорию в качестве коридора передвижения древних народов. В последующем аналогичная оценка региона появится в трудах современных археологов.

Наиболее значимыми для первичного накопления источников по археологии Мариинской лесостепи стали работы Г. О. Оссовского. Именно материалы произведенных им разведок и раскопок послужили ключевым заделом для дальнейшего изучения древностей северо-востока Кузбасса. Ровно через 60 лет после исследований Г. О. Оссовского археологические исследования в Мариинской лесостепи возобновятся экспедицией Кемеровского областного краеведческого музея под руководством А. И. Мартынова.

Литература

1. Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Teil 1: Tagebuchaufzeichnungen 1721–1722; mit einem vorwort von W. Steinitz und A. V. Topciev. Berlin: Akademie-Verlag, 1962. 379 S.
2. Элерт А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири / отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск: Наука, 1990. 245 с.
3. Gmelin J. G. Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743. Göttingen: Vandenhoeck, 1752. Bd. III. 584 S.
4. Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства. СПб.: Императорская академия наук, 1786. Ч. 2. Кн. 2. 575 с.
5. Мартынов А. И. Материалы к археологической карте Кемеровской области // Ученые записки Кемеровского педагогического института. Кемерово: Кемер. кн. изд-во, 1961. Вып. 4. С. 152–164.
6. Радлов В. В. Из Сибири. Страницы дневника. М.: Наука, 1989. 749 с.
7. Адрианов А. В. Курганогрфия Сибири // Сибирская газета. 05.07.1884. № 29. Стб. 733–736.
8. Флоринский В. М. Топографические сведения о курганах Западной Сибири. Томск: Типо-лит. Михайлова и Макушина, 1889. 72 с.
9. Кулемзин А. М., Бородин Ю. М. Археологические памятники Кемеровской области. Материалы к Своду памятников истории и культуры СССР. Кемерово: Кемер. кн. изд-во, 1989. Вып. 1. 158 с.
10. Appelgren-Kivalo H. Alt-Altische Kunstdenkmaeler. Vol. 1. Briefe und Bildermaterial von J. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889. Helsingfors, 1931. 48+72 S.
11. Мартынов А. И. Памятники и отдельные находки предметов скифо-сарматского времени в Томско-Енисейском лесостепном районе // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово: Новокузнецкий полиграфический производственный комбинат Кемеровского областного управления издательств, полиграфии и книжной торговли, 1973. Вып. VI. С. 4–89.
12. Красниенко С. В., Субботин А. В. У Солгонского кряжа. Археологические памятники Ужурского района (Красноярский край): история изучения и современное состояние. СПб.: ИИМК РАН, 2013. 192 с.
13. Кузнецов И. П. Древние могилы Минусинского округа. Томск: Типо-лит. В. В. Михайлова и П. И. Макушина, 1889. [6], 36, XII, II с.
14. Мартин Ф. Р. Сибирика. Некоторые сведения о первобытной истории и культуре сибирских народов. Екатеринбург-Сургут: Урал. рабочий, 2004. 143 с.

15. Кузнецов С. К. Г. И. Осовский. Биографический очерк // Ежегодник по Геологии и Минералогии России. Варшава, 1898. Т. III. Вып. 1. 11 с.
16. Chochorowski J. Godfryd Osowski (1835–1897) – genialny samouk, archeolog, wybitny uczony, niezwykle człowiek, technik drogowy syberyjskiego traktu pocztowego // Na srebrnym koniu. Archeologiczne skarby znad Morza Czarnego i z Kaukazu / ed. A. Kokowski. Lublin: Instytut Archeologii UMCS, 2001. S. 215–295.
17. Герман П. В. Сибирский период научной деятельности Г. О. Осовского // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3. С. 116–119.
18. Осовский Г. О. Гео-гидрологические исследования Томского и Мариинского округов. Томск: Том. губ. стат. ком., 1896. 114 с.
19. Талицкая И. А. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // Древняя история Нижнего Приобья. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 242–349.
20. Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ие, 1979. 208 с.
21. Герман П. В. Готфрид Осовский – первый исследователь археологических памятников Мариинской лесостепи // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2013 года. Кемерово, 2013. Вып. 5. С. 200–201.
22. [Хлапонин] А. Х. Петр Казимирович Яворовский. (Некролог.) // Известия Геологического комитета. 1920. Т. 39. № 7/10. С. 563–569.
23. Янчев Д. В. Петр Казимирович Яворовский – исследователь негидальцев // Широкогорские чтения: мат-лы науч. конф. (Владивосток, 18–19 сентября 2001 г.) Владивосток: Дальневосточный ун-т, 2001. С. 49–50.
24. Яворовский П. К. Геологические исследования и буровые разведки в Мариинском округе Томской губернии в 1895 г. Урюпско-Кийский буровый бассейн // Геологические исследования и разведочные работы по линии Сибирской железной дороги. СПб., 1898. Вып. 7. С. 33–99.
25. Красниенко С. В., Субботин А. В. Археологическая карта Шарыповского района (Красноярский край). СПб., 1999. 114 с.

original article

Ancient Artifacts of Mariinsk Forest-Steppe: First Evidence and Early Studies*

Pavel V. German^{a, @, ID}

^a Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Kemerovo

@ lithos@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-8123-6992>

Received 15.06.2020. Accepted 07.07.2020.

Abstract: Mariinsk forest-steppe boasts the biggest concentration of archaeological artifacts in Kuzbass. It is in this region that the first systematic field works were organized by Kemerovo archaeologists in 1950s. Previously, the ancient past of Mariinsk forest-steppe had remained a total mystery, unlike the well-explored border territories of High Ob area and Minusinsk hollow. The present article sums up all official and unpublished data on the archaeological artifacts found in North-Eastern Kuzbass in XIX century. The author links the works by I. P. Aspelin, D. A. Klements, I. P. Kuznetsov (Krasnoyarskiy), and F. R. Martin to the history of archaeological research of Mariinsk forest-steppe. The paper introduces some previously unknown archive materials that prove the interest of the local population to the ancient sites. It also describes the first ideas about the local archeology that shaped in the late XIX century. The study focuses on G. O. Osowski who was the first to conduct an archaeological exploration and excavation in Mariinsk forest-steppe in 1895–1896, while the mining engineer P. K. Yavorovsky was the first to put value on the historical and geographical role that the region had in ancient times.

Keywords: archaeological sites, accidental findings, researchers, XIX century, G. O. Ossowski, P. K. Jaworowsky

For citation: German P. V. Ancient Artifacts of Mariinsk Forest-Steppe: First Evidence and Early Studies. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(3): 584–594. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-584-594>

* The research was funded by the Russian Foundation for Basic Research and the government of the Kemerovo region, grant No. 20-49-420005 r_a.

References

1. Messerschmidt D. G. *Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Teil 1: Tagebuchaufzeichnungen 1721–1722*, mit einem vorwort von Steinitz W. und Topciev A. V. Berlin: Akademie-Verlag, 1962, 379.
2. Elert A. Kh. G. F. *Miller's expedition materials as a source on the history of Siberia*, ed. Pokrovsky N. N. Novosibirsk: Nauka, 1990, 245. (In Russ.)
3. Gmelin J. G. *Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743*. Göttingen: Vandenhoeck, 1752, Bd. III, 584.
4. Pallas P. S. *Traveling over the Russian state*. St. Petersburg: Imperatorskaia akademiia nauk, 1786, pt. 2, book 2, 575. (In Russ.)
5. Martynov A. I. Materials for the archaeological map of the Kemerovo region. *Scientific notes of the Kemerovo Pedagogical Institute*. Kemerovo: Kemer. kn. izd-vo, 1961, iss. 4, 152–164. (In Russ.)
6. Radlov V. V. *From Siberia. Diary pages*. Moscow: Nauka, 1989, 748. (In Russ.)
7. Adrianov A. V. Geography of Siberian burial mounds. *Sibirskaya gazeta*, 05.07.1884, (29): 733–736. (In Russ.)
8. Florinsky V. M. *Topographic information about the mounds of Western Siberia*. Tomsk: Tipo-lit. Mihailova i Makushina, 1889, 72. (In Russ.)
9. Kulemzin A. M., Borodkin Iu. M. Archaeological sites of Kemerovo region. *The materials to the Corpus of historical and cultural sites of the USSR*. Kemerovo: Kemer. kn. izd-vo, 1989, iss. I, 158. (In Russ.)
10. Appeltgren-Kivalo H. *Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Vol. 1. Briefe und Bildmaterial von J. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889*. Helsingfors, 1931, 48+72.
11. Martynov A. I. Monuments and individual finds of objects of the Scythian-Sarmatian time in the Tomsk-Yenisei forest-steppe region. *News of the archaeological research laboratory*. Kemerovo: Novokuznetskii poligraficheskii proizvodstvennyi kombinat Kemerovskogo oblastnogo upravleniia izdatelstv, poligrafii i knizhnoi trgovli, 1973, iss. VI, 4–89. (In Russ.)
12. Krasnienko S. V., Subbotin A. V. *At the Solgon Ridge. Archaeological sites of Uzhursky district (Krasnoyarsk Territory): history of study and current status*. St. Petersburg: IIMK RAN, 2013, 192. (In Russ.)
13. Kuznetsov I. P. *Ancient graves of Minusinsk district*. Tomsk: Tipo-lit. V. V. Mihailova i P. I. Makushina, 1889, [6], 36, XII, II. (In Russ.)
14. Martin F. R. *Sibirika. Some information about the primitive history and culture of the Siberian peoples*. Ekaterinburg-Surgut: Ural. rabochii, 2004, 143. (In Russ.)
15. Kuznetsov S. K. G. I. Ossovski. Curriculum Vitae. *Yearbook of Geology and Mineralogy of Russia*. Warsaw, 1898, vol. III, iss. 1, 11. (In Russ.)
16. Chochorowski J. Godfryd Ossovski (1835–1897) – genialny samouk, archeolog, wybitny uczony, niezwykle czlowiek, technik drogowy syberyjskiego traktu pocztowego. *Na srebrnym koniu. Archeologiczne skarby znad Morza Czarnego i z Kaukazu*, ed. Kokowski A. Lublin: Instytut Archeologii UMCS, 2001, 215–295.
17. German P. V. Siberian period of scientific activity G. O. Ossovski. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2013, (3): 116–119. (In Russ.)
18. Ossovski G. O. *Geo-hydrological studies of Tomsk and Mariinsky districts*. Tomsk: Tom. gub. stat. kom., 1896, 114. (In Russ.)
19. Talitskaia I. A. Materials for the archaeological map of the Lower and Middle Ob. *Ancient history of the Lower Ob*. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1953, 242–349. (In Russ.)
20. Martynov A. I. *Forest-steppe Tagar culture*. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-ie, 1979, 208. (In Russ.)
21. German P. V. Godfryd Ossovski – the first researcher of the archaeological sites of the Mariinsky forest-steppe. *Materials of the scientific session of the Institute of Human Ecology, Russian Academy of Sciences*, 2013. Kemerovo, 2013, iss. 5, 200–201. (In Russ.)
22. [Khlaponin] A. Kh. Petr Kazimirovich Javorovsky. (Obituary.) *Proceedings of the Geological Committee*, 1920, 39(7/10): 563–569. (In Russ.)
23. Yanchev D. V. Pyotr Kazimirovich Javorovsky – researcher of the Negidal. *Shirokogorov readings: Proc. Sci. Conf.*, Vladivostok, September 18–19, 2001. Vladivostok: Dalnevostochnyi un-t, 2001: 49–50. (In Russ.)
24. Javorovsky P. K. Geological exploration and lignite exploration in the Mariinsky district of Tomsk province in 1895. *Uryup-Kyi lignite basin. Geological exploration and exploration work along the Siberian Railway*. St. Petersburg, 1898, iss. 7, 33–99. (In Russ.)
25. Krasnienko S. V., Subbotin A. V. *The archaeological map of the Sharypovo district (Krasnoyarsk area)*. St. Petersburg, 1999, 114. (In Russ.)